

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-133-140

УДК 39(=352.2/3)

Рица Шотовна Зельницкая (Шларба)

Российский Этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: riza81@yandex.ru

Об одном из коллективных обрядов вызывания дождя у абхазов и кабардинцев в конце XIX — начале XX в.

АННОТАЦИЯ. Сообщения русских и абхазских этнографов начала XX в. позволяют реконструировать ритуалы, составлявшие обряд вызывания дождя, который практиковался у двух соседних народов Северного Кавказа — абхазов и кабардинцев. Несмотря на имперскую политику насильственного преобразования структуры традиционных обществ и многочисленные попытки вытеснения доисламских и дохристианских верований из общинной жизни начиная с 1860–1870-х годов, абхазские и кабардинские материалы начала XX в. свидетельствуют об устойчивости традиционных обрядов, связанных с сельскохозяйственным и природным циклами. Исследования показали, что общинное моление о дожде как у абхазов, так и у кабардинцев имеет ярко выраженный гендерный характер, так как является сугубо мужским. В абхазском обществе участие женщин ограничивается приготовлением ритуальной пищи. Особое внимание уделяется роли священнослужителей в проведении обряда вызывания дождя. Отличием кабардинского и абхазского обществ становится отношение к священнослужителям и их роли в проведении обрядов. В Кабарде ключевую роль играли эфенди, а в абхазском — местные старики-молельщики. Если в Кабарде муллы следили за религиозностью и нравственностью и могли демонстративно игнорировать обряды, то в абхазском обществе священники не имели должного авторитета и были вынуждены участвовать в общественных обрядах, оставаясь в тени стариков, выполнявших функции жрецов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: абхазы, обряд вызывания дождя, ислам, кабардинцы, общинное моление, православное христианство, сезонный ритуал, сельское хозяйство, язычество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зельницкая (Шларба) Р. Ш. Об одном из коллективных обрядов вызывания дождя у абхазов и кабардинцев в конце XIX — начале XX в. *Кунсткамера*. 2021. 4(14): 133–140. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-133-140

Ritsa Zelnitskaya (Shlarba)

Russian Museum of Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: riza81@yandex.ru

On One of the Collective Rainmaking Rites among the Abkhazians and Kabardians of the Late Nineteenth–Early Twentieth Centuries

ABSTRACT. The reports of Russian and Abkhazian early twentieth-century ethnographers allow us to reconstruct the specific rites that constituted the rainmaking ritual practiced by the two neighboring peoples of the North Caucasus, Abkhazians and Kabardians. Despite the imperial policy of forced transformation of the structures of traditional societies and the numerous attempts to oust pre-Islamic and pre-Christian beliefs from their communal life, which had been being undertaken since the 1860s–1870s, the Abkhaz and Kabardian materials from the early twentieth century testify to the stability of traditional rites related to agricultural and calendar cycles, and to the minimal integration of foreign elements. The article pays special attention to the role of the clergy in the rainmaking ceremonies. The Kabardian and Abkhazian societies were different in terms of their attitudes towards the clergy and their role in conducting rites. In Kabarda, the key role was played by the *effendi*, and in Abkhazia by the local old worshippers. While in Kabarda the mullahs focused on monitoring the “religiosity and morality” and could defiantly ignore the rites, in the Abkhazian society priests did not have sufficient authority and were forced to participate in public rites, remaining in the shadow of the old men who performed the roles of priests.

KEYWORDS: Abkhazians, agriculture, communal prayer, rainmaking, Islam, Kabardians, Orthodox Christianity, paganism, seasonal ritual

FOR CITATION: Zelnitskaya (Shlarba) R. On One of the Collective Rainmaking Rituals among the Abkhazians and Kabardians of the Late Nineteenth–Early Twentieth Centuries. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 00–00. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)133-140

К изучению обряда вызывания дождя у народов Северо-Западного Кавказа обращались многие исследователи, посвятившие ему отдельные статьи и монографии. Мы рассмотрим один из вариантов такого обряда — общинное мужское моление. Моления о дожде у абхазов и кабардинцев впервые были описаны в отдельных статьях в конце XIX — начале XX в. В 1900 г. Т. Кашежев в журнале «Этнографическое обозрение» опубликовал статью «Ханцегуашэ», в которой рассказал о двух вариантах проведения обряда у кабардинцев (Кашежев 1900). В 1917 г. Н. Джанашия в монографии «Абхазский культ и быт» описал схожий обряд у абхазов (Джанашия 1917). В советский период этнографическая литература была дополнена новыми исследованиями. Г. Ф. Чурсин внес большой вклад в развитие кавказской этнографии. Наряду с другими вопросами, он изучал народные религии и отмечал вариативность обряда вызывания дождя у народов Кавказа (Чурсин 2012). В более поздний период научные изыскания предшественников продолжил Ш. Д. Инал-ипа (Инал-ипа 1965), один из основоположников абхазской этнографии. В монографии «Абхазы» он рассмотрел все стороны жизни абхазского народа. В разделе, посвященном религиозным верованиям абхазов, он описывает и обряды вызывания дождя. Из современных авторов, предложивших свою интерпретацию ритуальных аспектов абхазской религии, отметим В. Л. Бигуаа (Бигуаа 2018).

В постсоветский период были опубликованы монографии по традиционной культуре народов Кабардино-Балкарии (Мусукаев, Першиц 1992; Шортанов 1992), кроме того, интересное исследование представлено в статье К. С. Шакрыл, в которой описывается фамильное моление (Шакрыл 1980). Так как в статье рассматривается общинное моление у абхазов и кабардинцев через призму социальной структуры, автор обращался к отдельным исследованиям, в которых изучаются социальные отношения и социальная структура в двух регионах. Изучением социальной структуры у кабардинцев активно занимался В. Х. Кажаров (Кажаров 2014). Его последователь и ученик Д. Н. Прасолов в своей диссертации исследует не только социальную структуру кабардинского общества, но и отдельные религиозные практики и их роль в кабардинском обществе (Прасолов 2001). Традиционная социальная структура абхазского общества и ее трансформация были описаны в различных монографиях и статьях (Инал-ипа 1965, 1976; Куправа 2008; Маан 2006). Большой вклад в изучении имперского периода внес С. З. Лакоба, который рассмотрел трансформацию абхазского общества после включения Абхазского владетельного княжества в состав Российской империи (Лакоба 1990).

Необходимость сравнительного анализа социокультурных аспектов общинного моления о дожде связана с тем, что во всех исследованиях предмет, исследуемый в статье, рассматривают через историко-культурные аспекты и культурные символы, сосредоточивая внимание на конкретных этнических группах и рассматривая их изолированно. На наш взгляд, при изучении социокультурных процессов, протекающих на Северо-Западном Кавказе, следует обращать внимание на сходство внутренних структур социума, которое может иметь исторические причины, т. е. указывать на возможное далекое родство исследуемых обществ или быть результатом длительных взаимных контактов. Еще одной проблемой является отсутствие сравнительного анализа воздействия на традиционные социальные институты и практики имперских институтов и практик.

Таким образом, цель статьи — проведение сравнительного анализа общинного моления о дожде у двух исторически родственных обществ — абхазов и кабардинцев — через призму социальной структуры и распределение социальных ролей, которые подверглись трансформации в имперский период, и ответ на вопрос, оказало ли это какое-то влияние на сам обряд. Хронологические рамки исследования ограничиваются имперским периодом.

Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, описать историческую трансформацию структуры общины, во-вторых, определить социальную роль обряда в жизни общины, включая рассмотрение коллективных представлений, существующих в социуме, в-третьих, определить роль различных социальных и половозрастных групп в организации и проведении обряда.

В результате проведения имперских реформ в 1860–1870-х годов кавказское общество претерпело существенные изменения: трансформировались сословные взаимоотношения, правила

землепользования и система управления. Пытаясь создать на территории Кабарды сельскую общину, власти «подгоняли» местный уклад к общероссийскому, регулировавшемуся крестьянской реформой 1861 г. Вследствие реформ в Кабарде «плотность населения, искусственно созданная Россией» путем объединения мелких населенных пунктов, привела к тому, что «все население речной долины» стало «частью одного большого аула» (Кажаров 2014: 169). Несмотря на это, жители по-прежнему продолжали расселяться привычным традиционным способом, а именно соседскими общинами.

Похожие процессы происходили и в Абхазском владетельном княжестве. Проведение имперских реформ там было затруднено из-за кровавого Лыхненского восстания (1866 г.), вынудившего власти на время отказаться от продолжения реформ. Тем не менее в 1867 г. Сухумская сословно-поземельная комиссия возобновила свою работу, цель которой была «приспособить край к новым условия жизни империи» (Лакоба 1990: 32). В 1870 г. Александр II утвердил положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе, которое официально было объявлено 19 февраля 1871 г. (Лакоба 1990: 33). В результате проведенных преобразований традиционный уклад абхазской жизни лишь немного пошатнулся: абхазское село, а вместе с ним и община, незначительно изменились в пореформенный период. Многие пункты остались на бумаге, и поверхностные изменения не способствовали разрушению сельской общины.

Несмотря на рассмотренные преобразования, и в Кабарде, и в Абхазии пореформенная община продолжала оставаться многосословной. В связи с этим Дмитрий Прасолов предположил, что «ключевую роль в общественной жизни села играли влиятельные представители привилегированных сословий» (2001: 91). По своей типологии как кабардинская, так и абхазская культура оставалась сельской, а сельская община являлась их основной социальной средой, главным устойчивым организмом, сохранявшим привычный жизненный уклад.

Таким образом, в пореформенный период и до установления советской власти на Северо-Западном Кавказе и в Абхазии община представляла собой «соединение родовых фамильных союзов с преобладающим влиянием и значением какого-либо лица, одной какой-либо фамилии, которая решала внутриобщинные проблемы» (Инал-ипа 1965: 396). Фамильные союзы распределяли жизненное пространство села между собой, оно же, в свою очередь, делилось и внутри самих союзов. Это деление было связано с тем социальным статусом, который они занимали.

По структуре организации и после проведенных реформ кабардинское и абхазское села оставались похожими. Кабардинское село-*кьуажэ* делилось на кварталы-*хьэблэ*, которые, в свою очередь, распадались на более мелкие элементы *хьэблэ цыкфу*. Абхазское село называлось *ақытца*, а поселок — *ахабла (ацутца)*. В Кабарде, как правило, кварталы-*хьэблэ* «принадлежали мелким дворянам — вассалам владельца селения и носили их имена» (Мусукаев, Першиц 1992: 206). В Абхазии поселки-*ахабла* могли носить фамилию его основателя. Жители отдельных структур селения контактировали между собой по мере необходимости. Больше взаимодействие осуществлялось между жителями поселков-*хьэблэ-ахабла*. Являясь соседями, они участвовали в том числе в обрядовой жизни друг друга: сообща проводили важные церемонии календарного цикла.

Несмотря на изменения, произошедшие в социальной организации после попыток реформирования, в основном комплексе религиозных и магических представлений, характерных для рассматриваемых обществ, ничего существенным образом не поменялось.

Кабардинское общество в исследуемый период было преимущественно мусульманским, а абхазское по своему религиозному составу — смешанным: здесь можно было встретить как православных, так и мусульман. Характерной особенностью того времени являлось сосуществование народных верований с приверженностью кабардинцев и абхазов религиям более крупных конфессий, таким как ислам и православие. Обряды, которые в исследовательской литературе часто квалифицируются как языческие, были неотъемлемой частью духовной жизни общины. Исследователи кабардинского общества отмечают, что мусульманское духовенство резко негативно отзывалось о языческих обрядах и «мусульманские священнослужители в качестве борьбы

с ними часто бойкотировали общинные праздники» (Прасолов 2001: 55). Особенно болезненно воспринимался ими сезонный праздник возвращения пахарей-*вакоижах*, в проведении которого участвовали все жители общины независимо от возраста и гендерной принадлежности. Хотя местные эфенди выступали против отдельных доисламских праздников и обрядов, они все же не считали нужным оставаться в стороне от общинной жизни. Будучи представителями кабардинского общества, стремясь укрепить свой авторитет, а также распространить влияние ислама на общественную и духовную жизнь местных жителей, священнослужители не только принимали участие в проведении обрядов, но и активно руководили самим процессом. «Не сумев своим влиянием полностью искоренить язычество, ислам вынужден был приспособиться к нему, внося в его обрядовые установления незначительные коррективы» (Шортанов 1992: 93). В тех обрядах, которые проходили под руководством кабардинских эфенди, языческие гимны и песни заменялись сурами Корана.

Случаев, когда священнослужители открыто выступали против общинных обрядов, в Абхазии не зафиксировано, в то время как достоверно известно, что местные эфенди и православные священники охотно принимали участие в фамильных и общинных обрядах. Так, мужская половина фамилии Шакрыл ежегодно в день пасхи совершала фамильное моление во дворе Лыхненской церкви. После пасхальной литургии «шакрыловцы с заранее приготовленной ритуальной пищей подходили к закопанному кувшину с вином и выполняющий функции жреца старейший представитель фамилии начинал произносить молитву. В стороне за обрядом наблюдали гости, в числе которых был и местный священник. Они присоединялись к молящимся после окончания моления» (Шьякрыл 1980: 116–117).

Одним из ярких примеров обряда, в котором участвовали исламские и православные священнослужители, был обряд вызывания дождя, проводимый мужской частью сельской общины. В Кабарде он носил название *ханцегуаца* (Прасолов 2001: 175–176), а в Абхазии — *ацуньхэара*. При его проведении община действовала как единый организм, противостоящий природной стихии при совершении магического действия. Оба народа проводили этот обряд в надежде прекратить наступившую засуху. В ходе подготовки среди членов общины четко распределялись социальные роли. Количественный состав изменялся только в том случае, когда кто-то отсутствовал в селении либо уходил в мир иной. Присутствие и участие в обряде считалось обязательным, ссоры и конфликты безотлагательно прекращались.

Обряд был определенным образом структурирован и включал в себя устойчивые элементы, такие как, например, необходимое мужское собрание. Как только наступала засуха, мужская часть всего кабардинского аула принимала решение «обратиться к Аллаху с просьбой о дожде» (Васильков 1901: 87). Абхазы, также считая, что Всевышний наказывает их за прегрешения, наслав засуху, хотели провести жертвоприношения, чтобы искупить свою вину и ослабить кару Божью. Для этого в назначенный день организовывался сельский сход, на котором «народ собирается и дает обет Богу, что они честно исполнят завещанное отцами служение Ему и просят простить им согрешения их вольные и невольные» (Джанашия 1917: 163–164). Как правило, кабардинцы проводили такое моление по пятницам на *Джума-намаз*, абхазы — в воскресенье.

Следующим этапом можно назвать назначение организаторов обряда. Их главной обязанностью был сбор денег на покупку жертвенных животных (быков или коров), количество которых зависело от числа участников обряда. Вместе с животными мужское население кабардинского аула шло «к берегу реки или родника» (Кашежев 1900: 175). Абхазы также с утра в праздничных одеждах собирались у берега реки. У кабардинцев шествие возглавлял эфенди, в то время как у абхазов церемонией руководили старики-молельщики, выполнявшие функции жрецов, но к жертвоприношению приступали только после того как местный священник и причетник присоединялись к собравшимся после обедни.

Кабардинцы, приходя к выбранному месту, вбивали в стороне кол и привязывали жертвенное животное, а затем «совершали омовение рук, ног и лица, расстилали на земле свои бурки, которые

служили *намазлыком*¹, и в несколько длинных рядов садились на колени лицом к югу» (Кашежев 1900: 173). Перед молящимися становился мулла с Кораном в руке и произносил проповедь, суть которой заключалась в том, что засуха послана Аллахом в наказание за их грехи. После проповеди мулла тоже становился «лицом к югу и провозглашал народу сделать во имя Бога два земных поклона. После этого несколько человек вместе с муллой поют хвалебный Богу гимн. Затем все, держа руки кверху, просят Бога о ниспослании на землю дождя» (Кашежев 1900: 173). Неотъемлемой и следующей частью обряда у абхазов являлась общинная трапеза. Для ее приготовления каждая семья должна была принести с собой ингредиенты для мамалыги (кукурузную муку и крупу), а также готовые продукты — вино, сыр, хачапур-*ачаишэ* (лепешка из пшеничной муки с сыром). После того как были произнесены молитвы, жители общины приступали к закалыванию жертвенных животных. Кабардинцы, убрав бурки, становились вокруг животного, а мулла читал жертвенную молитву. По окончании молитвы скот закалывали.

У абхазов момент жертвоприношения проходил в два этапа. Сначала произносил молитву священник. После него свою молитву о дожде произносили старики. Они стояли перед специально приготовленным плетеным столом-*аишымкьат*, на который выкладывали лучшие куски мяса жертвенного животного, на нем лежали пять конусообразных вареников-*акэакэарқэа*, рядом стояли плетеные корзины-*акалат* с остальным мясом, там же лежали шкуры жертвенных животных. Во время молитвы жрецы держали в руках нанизанные на фундуковые палочки сердце и печень жертвенных животных, горящую восковую свечку и стакан красного вина. Молящийся просил Всевышнего простить грехи всему селению, смилостивиться и дать дождь. Молитва завершалась христианским возгласом «Аминь!» После этого жрец поливал сердце и печень животного вином. Чтобы бог послал селению дождь, молились все присутствующие жрецы, как правило их было несколько, по одному из каждого поселка. После того как были произнесены молитвы, присутствующие исполняли коллективную «песню горя» — *агэакаишэа* — общины из-за наступившей засухи (Джанашия 1917: 163).

Очевидцы подобных абхазских ритуалов в начале XX в. отмечали, что особое внимание оказывалось лишь жрецам, а православного священника слушали не «с должным уважением». В то время как старики-молельщики произносили молитвы, народ становился на колени «смирено, не издавая никакого звука» (Джанашия 1917: 164).

Заключительным этапом обряда было угощение руководителя и участников жертвенной пищи. Практикуемая у абхазов совместная ритуальная трапеза во время обряда вызывания дождя у кабардинцев была известна лишь темиргоевцам: «Мясо жертвенного животного тут же жарят и часть поедается на месте» (Васильков 1901: 87), у остальных кабардинских обществ она не практиковалась. Общим у исследуемых народов было угощение мясом жертвенного животного всех членов общины. В завершении обряда «больным и тем, которые почему-либо не могли лично принять участие, посылают их доли на дом» (Кашежев 1900: 174). Приходя домой, мясо раздавали всем членам семьи. А во время ужина глава семьи произносит молитву прощения грехов и о «ниспослании дождя» (Кашежев 1900: 174).

Следует обратить внимание на то, что и шкуры жертвенных животных представляли особую ценность. Они доставались молельщикам. У кабардинцев-темиргоевцев это был, как правило, мулла, у абхазов — старики-жрецы и православный священник. Можно предположить, что это была своего рода плата за совершение молитвы во время обряда.

Еще один немаловажный факт, который бесспорно заслуживает особого внимания, — гендерный состав участников. У кабардинцев в проведении общинного моления вызывания дождя участвовали только мужчины. У абхазов присутствовали и женщины, хотя они только готовили ритуальную пищу и в самом обряде не принимали участия. Кабардинские и абхазские женщины и дети проводили параллельно собственный обряд, отличный от мужского жертвоприношения.

¹ Коврик для совершения молитвы.

В нем главным персонажем оказывалась ритуальная кукла или чучело. По сообщению Т. Кашежева, «они берут обыкновенную лопату (*ханце*) для веяния зерна. Поперек ручки этой лопаты они крепко привязывают недлинную палку, таким образом чтобы лопата была похожа на человека с вытянутыми руками в обе стороны. Потом обертывают тряпками и на все это надевают полный женский костюм. Полученное таким образом подобие женской фигуры называется *Ханцегуаше*, что значит княгиня или госпожа лопата» (Кашежев 1900: 175). У кабардинцев она называлась *Ханце гуаца*, у абхазов — *зиуоу*. Согласимся с В. Л. Бигуаа, который считает, что «обряд вызывания дождя Дзиуауа представлял собой вспомогательное предприятие культа Ацуныхвара, по мере необходимости устраиваемого женской половиной ацуты» (Бигуаа 2018: 155).

Таким образом, письменные свидетельства о жизни двух народов в начале XX в. дают довольно ясное представление о том, что, несмотря на проведенные реформы в 1860–1870-х годах, несколько десятилетий спустя уклад жизни кабардинского и абхазского обществ продолжал оставаться традиционным. То же самое касается и внутренней организации села, его деления на локальные поселки-кварталы. Основные сельские обряды, один из которых рассматривался в статье, не претерпели вообще каких бы то ни было изменений, поскольку они «базировались на социокультурном комплексе традиционных форм ведения хозяйства, образе жизни крестьян и сельской общинной организации» (Попова 1989: 197–198).

Относящееся к продуцирующим обрядам общинное моление о вызывании дождя у кабардинцев и абхазов в начале XX в. тоже продолжало сохранять устойчивые формы и структуру, весьма близкие у исследуемых народов. Каждый его этап все еще проводился без нарушений установленной традициями последовательности, и само его проведение всецело зависело от решения соответствующей локальной общины, было связано с трактовкой стихийного бедствия как наказания за грехи и рассматривалось как способ реабилитации перед лицом божества. Это выражалось также в том, что в абхазском варианте жертвоприношения, сопровождавшемся молитвой, предлагалось последовательное приношение дара божеству (показ жертвенного животного, затем его отдельных органов — сердца и печени), в результате чего жертвоприношение приобретало «форму выделения божеству его доли» по реципрокности: «Я даю, чтобы ты дал» (Мосс 2000: 75), с целью обретения необходимого для выживания общины блага — дождя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бигуаа В. Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М.: МАКС Пресс, 2018.
- Васильков В. В. Очерк быта темиргоевцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1901. Вып. XXIX. С. 71–122.
- Джананшия Н. Абхазский культ и быт. Пг.: тип. Академии наук, 1917.
- Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965.
- Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976.
- Кажаров В. Х. Адыгская Хаса: из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии // Кажаров В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. С. 54–182.
- Кашежев Т. Ханцегуаше (общественное моление об урожае у кабардинцев) // Этнографическое обозрение. 1900. № 2. С. 173–176.
- Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум: Дом печати, 2008.
- Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1990.
- Маан О. В. Абжуа: историко-этнологические очерки. Сухум: Дом печати, 2006.
- Мосс М. Очерки о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного. Избранные произведения / под общ. ред. И. В. Утехина СПб.: Евразия, 2000. С. 9–107.
- Мусукаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. революции 1905 г., 1992.
- Попова Ю. В. Символы в сезонных обрядах сельских общин Кореи (конец XIX — начало XX в.) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 180–205.

Прасолов Д. Н. Кабардинская сельская община во второй половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001.

Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. М.: Либроком, 2012.

Шортанов А. Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992.

Шьякрыл К. С. Лыхных // Известия. Тбилиси. 1980. Вып. IX. С. 116–119.

REFERENCES

Biguaa V. L. *Ritualnyi mir traditsionnoi religii abkhazov* [The Ritual World of the Traditional Religion of Abkhazians]. Moscow: MAKSS Press, 2018. (In Russian)

Chursin G. F. *Ocherki po etnologii Kavkaza* [Essays on Caucasian Ethnology]. Moscow: Librokom, 2012. (In Russian)

Dzhanashiya N. *Abkhazskii kul't i byt* [The Abkhazian Cult and Everyday Life]. Petrograd: Tipografiia Akademii Nauk, 1917. (In Russian)

Inal-ipa Sh. D. *Abkhazy* [Abkhazians]. Sukhumi: Alashara, 1965. (In Russian)

Inal-ipa Sh. D. *Voprosy etno-kul'turnoi istorii abkhazov* [Issues of the Ethnic and Cultural History of the Abkhazians]. Sukhumi: Alashara, 1976. (In Russian)

Kashezhev T. Hantseguashe (obshchestvennoe molenie ob urozhae u kabardintsev) [Hanzeguashe (The Public Kabardian Prayer for the Harvest)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1900, no. 2, pp. 173–176. (In Russian)

Kazharov V. H. Adygskaia Khasa. Iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii feodal'noi Cherkessii [The Adyghe Khasa. From the History of the Class-Representative Institutions of Feudal Circassia]. Kazharov V. H. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Works on the History and Ethnography of the Adige]. Nal'chik: Pechatnii dvor, 2014, pp. 54–182. (In Russian)

Kuprava A. E. *Voprosi traditsionnoi kul'tury abkhazov* [Issues of the Traditional Culture of the Abkhazians]. Sukhumi: Dom pechati, 2008. (In Russian)

Lakoba S. Z. *Ocherki politicheskoi istorii Abkhazii* [Essays on the Political History of Abkhazia]. Sukhumi: Alashara, 1990. (In Russian)

Maan O. V. *Abzhua. Istoriko-etnologicheskie ocherki* [Abzhua. Historical and Ethnographic Essays]. Sukhumi: Dom pechati, 2006. (In Russian)

Mauss M. Ocherki o prirode i funktsii zhertvoprinosheniia [Essays on the Nature and Function of Sacrifice]. *Sotsial'nye funktsii sviashchennogo. Izbrannye proizvedeniia* [Social Functions of the Sacred. Selected Works]. Ed. by I. V. Utekhin. St. Petersburg: Eurasia, 2000, pp. 9–107. (In Russian)

Musukaev A. I., Pershic A. I. *Narodnye traditsii kabardintsev i balkartsev* [The Folk Traditions of Kabardians and Balkars]. Nal'chik: Polygrafkombinat imeni Revoliutsii 1905 goda, 1992. (In Russian)

Popova Yu. V. Simvoly v sezonnykh obriadakh sel'skikh obshchin Korei (konets XIX — nachalo XX v.) [Symbols in the Seasonal Rites of Rural Communities in Korea (Late 19th–Early 20th Centuries)]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic Studies of the Symbolic Means of Culture]. Leningrad: Nauka, 1989, pp. 180–205. (In Russian)

Prasolov D. N. *Kabardinskaia sel'skaia obshchina vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.* [The Kabardian Rural Community in the Second Half of the 19th–Early 20th Centuries]: PhD diss. Nal'chik, 2001. (In Russian)

Shakryl K. S. Lykhnenskoe sviatilishche [The Lykhna Sanctuary]. *Izvestiia*, 1980, no. IX, pp. 116–119. (In Abkhazian)

Shortanov A. T. *Adygskie kul'ty* [The Adyghe Cults]. Nal'chik: Elbrus, 1992. (In Russian)

Vasil'kov V. V. Ocherk byta temirgoevtsev [Essay on the Life of the Temirgoevs]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus]. Tiflis: Upravlenie Kavkazskago Uchebnago Okruga, 1901, vol. XXIX, pp. 71–122. (In Russian)

Submitted: 22.04.2021

Accepted: 25.07.2021

Published: 10.10.2021